

отчасти — романтические, отчасти — гротескные, но не имеющие ничего общего ни с реальным, ни с эпическим Карлом.

«Век Просвещения» проявил к нему мало интереса: для Монтескье, Вольтера и всей их компании франкский император был слишком «готическим». Один лишь Мабли использовал его для своей социальной схемы, превратив в основателя сословий (!) и даже Генеральных штатов (!!).

Но Карл не собирался умирать — недаром же когда-то народ провозгласил его бессмертие. Начался XIX век, и новый завоеватель Европы почел за нелишнее возродить его образ в качестве своего «предшественника». На известной картине Давида «Наполеон на перевале Гран-Сен-Бернар» (1801) Бонапарт на вздыбленном коне застыл над камнем с надписью «Charlemagne» (Карл Великий). И вскоре орлы Карла снова запарили над Европой, а сам он «присутствовал» на коронации 1804 года в Нотр-Дам во время сложного церемониала с благословением папы — совсем как тысячу лет назад в 800 году!

Вспоминали о нем и в последующие десятилетия. В 1881 году было записано любопытное сказание, созданное, по-видимому, значительно раньше, при Наполеоне III. Сказание называлось «Башня Ганделона» (то есть Гуенелона) и относилось к реальной башне близ города Корби. Самое интересное, что в этом «эпосе» бок о бок действовали два предателя, один — эпический, другой — подлинный, разделенные многими веками. Вот как объясняет этот новый вариант «Песни о Роланде» происхождение трещины, издавна существовавшей в башне.

«Гавделон и Бурмон [*Генерал Бурмон изменил Наполеону в 1815 году*] изменили Карлу Великому и предали его армию дикому народу, который живет очень далеко, за морями и горами, в Испании.

Оба изменника прогуливались в большом парке замка Эйи, как вдруг к воротам замка прибыл Карл Великий весь в трауре, назвал сторожам свое имя и предстал перед двумя злодеями.

— Ну что? — спросил он их. — Остались ли вы мне верными, Ганделон и Бурмон?